

БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ.

БИБЛИОТЕКА САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подъ редакціею профессоровъ: П. И. Броунова и В. А. Фаусена.

ЭТИКА.

Д-РА Томаса Ахелиса.

Переводъ съ третьяго нѣмецкаго изданія

І. А. Давыдова.

Съ примѣчаніями переводчика.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
1906.

Вступленіе.

§ 1. Методъ и задача этики.

Едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію, что этика нуждается въ точномъ и вполне опредѣленномъ методѣ: ибо лишь при этомъ условіи она можетъ воздать должное требованіямъ науки и фактамъ опыта. Именно благодаря отсутствію такого метода, этика до сихъ поръ не пользуется еще должнымъ признаніемъ въ широкихъ кругахъ. Въ новѣйшее время факты моральной жизни, какъ индивидуальной, такъ и общественной, стали предметомъ внимательнаго и серьезнаго изученія. И этотъ путь вполне правильный: ибо лишь такимъ образомъ можно уяснить себѣ условія возникновенія моральной оцѣнки, лишь этимъ путемъ можно подготовить рѣшеніе вопроса, что же собственно представляетъ собой моральное? Что опытъ въ этомъ отношеніи имѣетъ рѣшающее значеніе,—это, въ общемъ, признается всѣми. Необходимый строительный матеріалъ для этического изслѣдованія даетъ социологія, включая сюда народовѣдѣніе и исторію культуры. Но, понятно, этимъ еще не все сдѣлано: ибо здѣсь возникаетъ новая, еще болѣе трудная, задача: на основаніи этого почти необозримаго фактическаго матеріала нужно построить общее понятіе этической науки, нужно еще установить отдѣльныя нормы и законы. Здѣсь заявляютъ о своихъ неотчуждаемыхъ правахъ спекуляція: тамъ, гдѣ дѣйствительность являетъ намъ противорѣчія, тамъ спекуляція восполняетъ ее нѣкоторыми логическими и теоретико-познавательными положеніями. Такъ исчезаютъ противорѣчія, и мы приходимъ къ удовлетворяющему насъ, гармоническому, познанію міра. Какъ во всѣхъ другихъ наукахъ, такъ и здѣсь индукція и дедукція, опытъ и мышленіе идутъ рука-о-руку и восполняютъ другъ друга. Лишь пользуясь этимъ плодотворнымъ взаимодействіемъ индукція и дедукція, можемъ мы воздвигнуть вполне удовлетворяющее насъ зданіе научной системы. Было бы, наоборотъ, рискованно слѣдовать пріемамъ односторонне-спекулятивной методы: нельзя приступать къ изслѣдованію, исходя изъ опредѣленныхъ, напередъ уже установленныхъ, метафизическихъ посылокъ. Такое догматическое предубѣжденіе привело бы насъ только (что и случалось) къ грубымъ ошибкамъ и искаженію фактовъ. Чтобы оправдать этотъ пріемъ, указываютъ нерѣдко на то, что здѣсь дѣло идетъ-де только о критическомъ опредѣленіи моральнаго сознанія, какъ послѣдняго рѣшающаго фактора. Но вѣдь ясно, что такимъ путемъ мы лишь отодвигаемъ эту за-

гадку: вѣдь передъ нами остается тотъ же щекотливый вопросъ: какъ же возникли эти верховные принципы? Но, понятно, отвѣта на этотъ вопросъ нельзя получить въ началѣ изслѣдованія; его можно получить только въ концѣ изслѣдованія. И, опять-таки, не исключительно дедуктивнымъ путемъ: необходимо исходить въ этомъ случаѣ изъ эмпирическихъ данныхъ. Нужно только помнить, что въ этомъ случаѣ нельзя ограничиваться однимъ только индивидуальнымъ опытомъ,—нужно привлечь всю обширную область социально-психическихъ явленій, то, что мы наблюдаемъ и можемъ анализировать въ исторіи и развитіи народной жизни. Объ этомъ рѣчь будетъ ниже.

Сообразно такому двоякому обоснованію, и самая задача этики приобретаетъ двоякій характеръ. Вѣдь только путемъ эмпирическаго изслѣдованія можно выяснитъ развитіе моральнаго сознанія, какъ индивидуальнаго, такъ и социальнаго: это какъ бы естественная исторія моральныхъ идей. Поэтому, ясно, что прежде всего нужно изучить различныя формы моральныхъ явленій, какъ онѣ нашли себѣ выраженіе въ языкѣ, религіи (игология), обычаяхъ, правѣ и т. д. Именно эти явленія характеризуютъ эту жизнь народовъ. Затѣмъ передъ нами встанетъ болѣе трудная задача. Мы должны будемъ покинуть кругъ непосредственнаго наблюденія, и его мѣсто займетъ отчасти психологическое, отчасти теоретико-познавательное разсмотрѣніе принциповъ морали. Такимъ путемъ можно будетъ установить основныя факторы моральнаго стремленія вообще, мотивы и, наконецъ, идеалы и нормы этихъ факторовъ. Благодаря этому, изслѣдованіе приобретаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и практическое значеніе, ибо оно одинаково охватываетъ и желанныя цѣли поступка, и тѣ отдѣльныя душевныя состоянія, которыя служатъ предпосылкой всего этого процесса. При этомъ систематическомъ изложеніи мы коснемся въ должной мѣрѣ и ученія о добродѣтели. Мы коротко резюмируемъ здѣсь наиболѣе существенныя пункты этого ученія и постараемся избѣгнуть излишнихъ подробностей. Подъ конецъ мы попытаемся точно очертить и опредѣлить своеобразный характеръ сужденій о цѣнностяхъ, что имѣетъ очень важное значеніе для всей этики. И здѣсь мы снова убѣдимся, что только гармоническое соединеніе опыта и мышленія, восходящаго отъ частнаго къ общему, къ закону, можетъ дать истинно-научные результаты.

Очерченному нами выше плану мы предпосылаемъ краткій историческій очеркъ различныхъ системъ этики. Само собой разумѣется, что излишне доказывать необходимость такого пріема: этого требуетъ уже простая литературная основательность. Конечно, мы не станемъ скрывать того, что мы ограничимся въ данномъ случаѣ лишь самыми необходимыми деталями. Такъ же скупы будемъ мы и относительно критики. Вѣдь иначе нашъ матеріалъ разросся бы до чрезмѣрности.

ОТДѢЛЪ I.

Исторія этики и критика ея системъ.

ГЛАВА I.

Древность.

§ 2. Сократъ.

Аѳинскій мудрецъ стоитъ какъ бы въ центрѣ греческой культуры. Такое центральное значеніе и положеніе Сократа лучше всего уясняется, съ одной стороны, его отношеніемъ къ софистамъ, а съ другой—его отношеніемъ къ традиціи. Онъ рѣзко возсталъ противъ разлагающаго скепсиса (сомнѣнія) современныхъ ему софистовъ, которые такимъ путемъ подрывали основы общественнаго порядка; онъ рѣзко возсталъ и противъ ихъ опаснаго субъективизма и радикализма. Голой личной вѣрѣ и представленію онъ противопоставилъ знаніе и самоопредѣленіе человѣка разумомъ. Въ то же время Сократъ подчеркивалъ право серьезной критики по отношенію ко всемъ традиціоннымъ догмамъ. Софисты сдѣлали отдѣльнаго человѣка верховной инстанціей всякаго сужденія и поступка; этимъ они открыли полный просторъ роковому радикализму. Сократъ же, наоборотъ, былъ того убѣжденія, что превыше всякихъ колебаній индивидуальнаго мнѣнія стоитъ общеобязательная норма, общеобязательная какъ для мышленія, такъ и для дѣятельности. И стоитъ только отдѣльному человѣку—говорилъ Сократъ—немного поразмыслить объ этомъ, и онъ легко найдетъ эту норму. Это и есть идея всеобщаго, т.-е., стоящаго выше отдѣльныхъ вещей, знанія. И идея эта служить высшимъ закономъ для практической жизни. Само-